

"Основной вопрос философии": идеи и интересы

Автор: Л. С. ВАСИЛЬЕВ

Хорошо известно, что К. Маркс, а вслед за ним и марксизм как теория придают огромное значение сформулированному ими "основному вопросу философии", ответ на который очень прост: "бытие определяет сознание". Это означает, что в нашем мире господствует материальное начало, тогда как все остальное - не просто вторично, но часто и второстепенно. Аргументация тезиса элементарна. Что всего важнее для человека, без чего он просто не может жить? Пища, одежда, жилище и прочие самые необходимые именно материальные блага. А все остальное - уже потом. Более того, это "остальное" является как бы производным от главного.

Существует и иная постановка проблемы, предложенная в свое время М. Вебером - мыслителем, по уровню не уступающим Марксу.

Вполне понимая значимость поставленной Марксом проблемы, Вебер заметил, что идеи - нечто вроде стрелок на железнодорожных путях, по которым движутся интересы. Если вдуматься в эту не столь уж и замысловатую, но весьма глубокую по мысли метафору, то напрашиваются определенные выводы. Коль скоро встает вопрос, куда, в каком именно направлении движется или должно двигаться общество в любой данный момент, - первое слово должны сказать идеи. Они, подобно железнодорожным стрелкам, изменяют направление пути. Вопрос лишь в том, кто, как и когда это делает и, что очень важно, чем при этом он руководствуется.

Оставив в стороне возможную в этой связи мистику, будем исходить из того, что положение стрелок устанавливают прежде всего и практически исключительно идеологи, то есть творцы и носители идей, получающие наибольшее признание в обществе и готовые вести за собой то самое большинство, которое в критические моменты истории следует за лидерами. В руках идеологов находятся - если иметь в виду все ту же метафору - сигналы, адресованные автоматически подчиняющимся им стрелкам. Замечу, что и лидеры, и сигналы, и послушно поворачивающиеся стрелки могут быть совсем не теми, которые в состоянии обеспечить благоденствие, обещанное идеологами своим последователям. Иногда это выясняется не сразу (идеолог может умереть, не дождавшись попытки реализации своей идеи и тем более успешного ее воплощения), иногда почти сразу, примеры тому хорошо известны из истории XX столетия. Для меня сейчас важно выяснить сам принцип: каков механизм взаимодействия между идеями и теми интересами масс, на выражение которых они претендуют. И еще: что в ситуации, избранной Вебером для пояснения своего понимания проблемы, первично в этом механизме, как именно взаимодействуют друг с другом идеи и интересы и как это можно реально проследить.

Вся сложность для отечественного читателя, пытающегося ответить на данный вопрос, оказывается в том, что он со школьной скамьи обычно знаком с уже упомянутым

В а с и л ь е в Леонид Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Государственного университета - Высшей школы экономики.

решением "основного вопроса философии". Учитывая это, начну с того, что сам факт выдвижения некоего "основного" вопроса философии, которого - кроме как в марксизме - нет ни в одной из философских школ на протяжении всей истории этой почтенной науки, вполне определенно перекликается с любимым и в некотором смысле краеугольным марксистским тезисом о том, что именно условия и уровень жизни определяют стандарты и потенции социального сознания. Или, проще, если все живут на крайне убогом уровне, они и мыслят соответственно. Если же их жизнь хорошо устроена и наполнена благами, то, вероятно, и мысли будут совсем другие.

Этот тезис очень дорог марксистам. Собственно, на нем держится в этом учении слишком многое, в частности теория о базисе и надстройке. В соответствии с духом всей этой концепции надстройка - нечто вроде инертного нароста, который сам по себе нежизнеспособен. Только с изменениями в базисе и в результате этих перемен она может измениться. Но тогда на передний план выходит вопрос, когда, как и почему в базисе что-то меняется? Каков механизм динамики базиса, то есть отношений между частными собственниками и лишенными собственности в процессе производства (примерно так расшифровывается в теории смысл этого термина). Марксизм не разработал эту проблему. Он просто заменил ее теорией ожесточенной и по сути всегда организованной классовой борьбы собственников с теми, кто лишены собственности. А надстройка в этой системе крайне напряженных взаимоотношений призвана лишь отразить итоги борьбы, чем ее функция в основном и ограничивается.

Итак, если принять теорию базиса и надстройки за истинное выражение механизма эволюции, из нее вытекает не только неизбежность классовых антагонизмов, борьбы и замены докоммунистических формаций желанным коммунизмом, но и доказательство истинности известного решения "основного вопроса философии". Суть теории в том, что бытие на самом деле не пассивно, как то может показаться, но напротив, активно и именно потому генерирует классовую борьбу, которая и есть локомотив эволюции. Конкретное место сознанию до поры до времени Маркс особо не отводил, хотя позже сделал это с блеском, что, впрочем, негативно отразилось на всей его теории. Но об этом чуть позже.

Бытие или сознание?

Справедливости ради начну с того, что определенное здоровое начало в марксистском тезисе о бытии и сознании в каком-то смысле вроде бы есть. Но сначала два слова о бытии как философской категории. Это просто нечто сущее, живое и неживое. У него нет четких параметров, но если употреблять термин по отношению к людям, то стоит заметить, что бытие фиксирует лишь сам факт их существования, но не более того. Другое дело, если противопоставить повседневную жизнь людей их сознанию, которое рождается, замечу, не столько от самого факта бытия, сколько от наличия в людях разума, и более того, определенных интеллектуальных потенций. Как бы то ни было, возникает некая серьезная связь между бытием и сознанием. Что в этой связи следует считать ведущим началом, а что ведомым? Для марксизма сомнений нет. Это то самое решение "основного вопроса философии". Но как можно доказать истинность его трактовки в этой теории?

В теории марксизма доказательство истинности этого постулата - элементарное соображение, суть которого, как упоминалось, сводится к тому, что для человека сначала важнее решить проблемы материальных условий бытия и лишь после этого на повестку дня выйдут различные вопросы идейно-институционального характера. И в некотором - очень ограниченном и далеко не безоговорочном - смысле это действительно так. Замечу, это безусловно для людей, живущих на самом примитивно-первобытном уровне, которыми сам Маркс никогда не интересовался и о которых ничего не писал.

В самом деле, если люди находятся на первобытном уровне, близком, скажем, к стандарту жизни австралийских аборигенов или мелких этнических сообществ в глухих дебрях обширного бассейна Амазонки, то вполне понятно, что их сознание примитивно и

чаще всего не выходит за пределы обеспечения себя пищей, кровом и т. п. Это полуживотный образ жизни. Ведь весь животный мир, вовсе лишенный сознания, которое является великим достоянием именно людей, частично и предлюдей, занят прежде всего тем, что добывает себе пищу (ну, еще и тем, чтобы не стать пищей для других). При этом добыча пищи, решение задач продолжения рода, спасения от угрозы гибели, сооружения скромного убежища или охраны в виде постоянно горящего костра, отпугивающего хищников, равно как и многие прочие нехитрые дела, решаются в этом мире в основном на уровне инстинктов.

Практически все это означает, что объем и основные формы деятельности тех, кто вынуждены вести полуживотный образ жизни, соответствуют нехитрым потребностям, вырабатываемым именно их стандартом бытия. Соответственно, стандарт не слишком высок и в сфере осознания мира, которое на этом уровне бытия не в состоянии, как правило, выйти за пределы самых элементарных религиозных представлений и верований типа суеверий либо не слишком богатых содержанием и красками мифов. Правда, при этом не вполне понятно, то ли жалкое бытие определяет более чем скромное сознание, то ли застывшее на определенном уровне осознание мира не в состоянии в сложившихся обстоятельствах создать что-либо полезное для перемены всего образа жизни.

Не навязывая читателю решение дилеммы, отмечу, что ключ к нему - не проблема приоритета бытия либо сознания, а вопрос о той неблагоприятной среде обитания, в которой оказались упомянутые коллективы. Поэтому вообще их пример не следует считать репрезентативным. Нельзя рассматривать проблему, заведомо зная, что речь идет не о норме, а об исключительных (в данном случае крайне неблагоприятных) обстоятельствах. Возьмем поэтому условный и не встречающийся в наши дни стандарт бытия первобытных людей, который наука в силах лишь как-то реконструировать по данным археологических и некоторых иных материалов. У групп, некогда находившихся на уровне, сходном с присущим ныне аборигенам Австралии или обитателям дебрей Амазонки, но живших при этом в более благоприятных условиях среды и потому развивавшихся несколько иначе, иными темпами, когда-то и бытие, и сознание были того же типа. Но иные условия среды помогли этим группам эволюционировать. Вопрос в том, что при этом было первичным, а что вторичным.

Немало свидетельств в пользу того, что первичной в процессе эволюции была работа мысли. Если бы не она, то есть не разум отдельно взятого индивида, даже из числа не только сапиентных людей, но и их предшественников-предлюдей, эволюции просто не было бы. Ведь именно благодаря индивиду, которому пришла в голову мысль взять палку или камень, соединить их и, придав им удобную форму орудия, вести успешную охоту на животных, а еще лучше устроить загон и западню, куда можно криком и трещотками загонять зверя, необходимый шаг по пути эволюции был сделан. Уточню: неважно, кто именно придумал что-то. Не один ум, так другой додумался бы до того же. Да и любое усовершенствование уже сделанного тоже всегда требовало определенных ментальных усилий, причем опять-таки неважно, кого именно. Единственно и безусловно важно то, что работа мысли и рождение идеи при этом были неизбежны. И думали не посредством коллективного разума. Думали индивидуально, причем только те, кто были способны на это. Иными словами, идеи приходили в такие головы, которых всегда и везде было заведомое меньшинство (по современным прикидкам, примерно 5%), но которые были пригодны для генерирования идей, пусть для начала самых примитивных.

Если бы кто-то не придумал сделать нечто вроде тачки, тележки и тем более плуга с запряженным в них прирученным животным, важный шаг по пути эволюции опять-таки не был бы сделан. И стоит заметить, что даже в сравнительно развитых и длительное время просуществовавших очагах цивилизации Нового Света этот столь существенный для цивилизации путь так и не был пройден (правда, не исключено, что этого не произошло лишь потому, что подходящего вида животного для упряжи там просто не оказалось). Не сделали бы очередной шаг вперед люди, если кому-то когда-то не пришла бы в голову мысль посадить во взрыхленную землю зерно или приручить оставшихся без матери и обреченных на гибель детенышей некоторых видов животных.

Еще раз замечу: абсолютно неважно, кто именно и когда все это придумывал. Нет никаких сомнений, что такого рода мысли могли возникать в разное (или одно и то же) время у разных людей, живших очень далеко друг от друга, хотя такой повтор был, видимо, сравнительно редким случаем. Дело в том, что контакты между коллективами - культурная диффузия - шли гораздо более быстрыми темпами, нежели рождались новые идеи и особенно важные (так называемые фундаментальные) открытия.

Очень важно акцентировать внимание именно на этом: родилась мысль, после чего стало возможным ее воплощение, причем едва ли не повсюду. Иными словами, первичной была идея. А уж реализация ее и превращение в норму бытия оказывались, следовательно, чем-то вторичным. Так бытие ли определяло сознание или напротив, сознание, мысль, идея оплодотворяли до того более трудное и менее успешное унылое бытие?

На первобытном или полупервобытном уровне, с которым связаны приведенные примеры, приоритет был, безусловно, за идеей, хотя и нет сомнений, что при этом многое зависело от привходящих обстоятельств. В пользу же марксистского тезиса о примате бытия говорит лишь то, что потребности общества объективно имели какое-то отношение к импульсам, толкавшим людей к поиску условий для улучшения образа жизни. Однако условия среды диктовали пределы возможного улучшения. Но если идеи рождались и эти идеи как-то соответствовали тому, в чем объективно нуждалось повседневное бытие людей, не следует ли признать, что бытие все же как-то определяло сознание, направляло его, определенным образом передвигая стрелки на путях?

Здесь есть свои *pro* и *contra*. Только сначала все-таки отделим Вебера от Маркса. Вебер писал об интересах, Маркс - о бытии. Это явно не одно и то же. Начнем с Маркса - ведь он высказался первым. Что такое бытие как философское понятие по Марксу? Насколько можно понять (о чем уже упоминалось), это некое материальное начало, функция которого сводится к тому, чтобы побудить сознание работать и соответственно улучшать бытие своими новыми разработками. Но как именно бытие, даже воспринимаемое как некий "процесс материальной жизни людей", ухитрялось воздействовать на сознание? На этот счет в теории марксизма вразумительного ответа нет, как и вообще нет в нем сколько-нибудь обстоятельного философского анализа, столь важного для этой доктрины "основного вопроса философии". Можно предположить, что имелись в виду какие-то объективные потребности, обладающие некими импульсами, воспринимавшимися людьми. И те, кто обладал способностями генерировать идеи, могли и должны были раньше и лучше других улавливать импульсы и реагировать на них.

Если это действительно так, то теория становится более понятной. Люди жили в определенных условиях, хотели, улавливая общее настроение, то есть все те же импульсы, добиться чего-то лучшего и размышляли над тем, в чем остро нуждалась их текущая и на первых порах весьма нелегкая жизнь, когда львиная доля усилий уходила на обеспечение коллектива пищей. Поколения креативных натур многое изобретали, но при этом, естественно, далеко не всегда и не все придуманное ими оказывалось полезным и нужным, подходящим для улучшения их жизни. Не все поэтому могло реализовываться на практике. Однако кое-что и соответствовало объективным потребностям. И как ко всему этому относиться? Прав марксизм со своим "основным вопросом философии" или нет?

Пойдем дальше в наших гипотетических рассуждениях. Похоже на то, что порой сама жизнь подсказывала людям решение: чтобы догадаться, как можно изготовлять из глины сосуды самого разного предназначения, кто-то должен был увидеть, как затвердевал случайно попавший в огонь кусок глины. Вроде бы вот наглядный пример того, как бытие определяет ход мысли. Но так ли это на самом деле?

Пусть многие и даже часто видели, что получается с куском глины в костре. Но разве этого было достаточно для того, чтобы у каждого, кто это видел, сразу же возникала мысль сделать из сырой глины сосуд? Разве не стоит принять во внимание, что здесь тоже нужна работа мысли и что далеко не каждый способен родить нужную идею? А из этого следует, что бытие само по себе не определяет ход мысли. Но оно очень часто, если не всегда, оставляет людей чем-то не вполне удовлетворенными. И это ощущение

неполного комфорта, то есть устойчивая и рутинная повседневная жизнь, время от времени при благоприятных обстоятельствах создавало объективные потребности, способные производить некие импульсы. И именно эти импульсы, идущие от потребностей, вели к генерации новых идей. При этом реально разрабатывать новаторские идеи могли лишь немногие, наделенные выдающимся интеллектом.

Конечно, оппоненты из числа марксистов могут возразить: это казуистика. Не все ли равно, бытие или объективные потребности, тем более, если потребности отвечают явно материальным интересам, способствуя с помощью своих импульсов рождению новых идей? Отвечу и на это гипотетическое возражение: разумеется, не все равно.

Потребности и интересы

Все дело в том, что в отличие от инертного и пассивного бытия, свойственного всему живому и функционирующего среди предлюдей и ранних сапиентных людей, в основном, на уровне инстинктов, потребности как неотъемлемая, но особая часть их бытия - активное начало, к тому же постоянно и при возможности даже энергично действующее, способное рождать импульсы, возникавшие - по крайней мере в глубокой древности - преимущественно в тесном контакте с теми же инстинктами и по меньшей мере вначале под их влиянием. Но чем все же принципиально отличались потребности от бытия?

Суть проблемы в том, что потребности людей отнюдь не обязательно и тем более не целиком и не безоговорочно только материальны. Разумеется, часть их, прежде всего связанная с улучшением материальных благ и потому близкая к инстинктам, может считаться преимущественно имеющей отношение к чему-то материальному. Однако и здесь все не просто. Желая улучшить жизнь, человек включает свое сознание. Это диктуется теми импульсами, которые генерируются потребностями. Сознание включается в виде желаний, стремлений, даже просто более или менее сильных и значимых эмоций, вначале тоже не слишком далеких от того, что свойственно всему живому и родственно инстинктам.

На первых порах потребности, стоит повторить, были очень близки к материальному началу и сводились к тому, чтобы всем всего хватало. Однако со временем этого уже далеко не всегда можно было добиться в силу вполне естественных ограничений со стороны различных внешних обстоятельств, в первую очередь экономических, социальных, а затем и политических. И тем самым закладывалась основа естественной неудовлетворенности всех, кто считали себя обиженными сложившейся реальностью. Значит ли это, что с потребностями что-то случилось?

Да, это безусловно так. Сами потребности по мере изменения условий жизни и эволюции общества и тем более государства (если они появлялись) могли изменяться и принимать все более разносторонние и изысканные формы. Это вело к формированию потребности социальных верхов, а затем и многих других людей не только в материальных благах, но и в определенных услугах. И что важно особо отметить, предела этим претензиям в принципе не было и нет. Это свойственно человеческой натуре и проявляется если не у всех, то у очень многих. В марксистской философии появился даже "закон возвышения потребностей", смысл которого в том, что потребности все время растут. И все-таки, можно ли сближать потребности с бытием как "процессом материальной жизни людей"?

Ответ на этот настойчивый вопрос очень прост, хотя и не будет приемлем для твердо стоящих на позициях марксистского решения "основного вопроса философии". И да, и нет. Там, где речь идет о потребности, например, иметь пищу - да. Но они не всегда и не вполне материальны, когда речь заходит о разносторонних услугах, и вовсе не материальны там, где человек хочет, скажем, чем-то выделиться среди других, пусть даже так, как это сделал незабвенный Герострат. Конечно, сожженный им храм являл собой вполне материальную ценность. Но речь ведь не о храме, а о потребности. Герострату вовсе не хотелось нанести вред доходам полиса. Он жаждал иного - вечной если не сла-

вы, то известности. И он добился ее. Было ли это не столь уж и редкое желание его не материальной, но явно душевной потребностью? Безусловно! Даже такой навязчивой потребностью, которая захватила всю натуру. К слову, о натуре, о характере. Азартная игра - это потребность? Безусловно. Материальная? Снова отчасти да, но скорее нет. Конечно, игрок хочет выиграть. Но он хорошо знает, чем рискует, и на практике чаще проигрывает. А все равно идет играть. Идет, ибо не может остановиться. Так какая же это потребность? В этих рассуждениях можно смело дойти и до пьянства, курения, наркомании, но проблема будет выглядеть все так же: и отчасти материальная, и в гораздо большей степени другая, причем эта "другая" может быть в разных ситуациях различной.

Это вне всяких сомнений. Потому очень важно не путать инертное пассивное бытие, которое - в марксизме - будто бы само по себе непонятно как определяет сознание, с потребностями. Потребности как таковые, причем далеко не только материальные, с незапамятных времен существуют на уровне инстинктов вместе и рядом с бытием. Но именно они - в отличие от бытия - в благоприятных для эволюции условиях играли с помощью своих неосозаемых импульсов решающую роль в появлении элементов сознания, что и превратило предшественников человека в сапиентных людей. Взяв на себя все то, что связано с материальными благами бытия, потребности именно в силу существующих уже в сапиентном человеке элементов разума и сознания оказались способны к постепенной, но заметной эволюции. А эволюция потребностей (вспомним "закон возвышения" их) привела к появлению сложного комплекса разнообразных потребностей, то есть всего того (далеко не только материального), что может пожелать человек.

Зафиксировав это, обратим теперь внимание на сходства и различия близко стоящих друг к другу понятий "потребности" и "интересы". Главное несходство между этими категориями в том, что потребности - это нечто гораздо более близкое к бытию (хотя и коренным образом отличное от него), заметно приземленное и достаточно часто при этом личностное, индивидуальное, иногда даже просто неосознанное, подспудное. Будучи близки к инстинктам, потребности существуют у всего живого, включая и сапиентных людей, у которых именно они при помощи импульсов способны приводить в движение мыслительные процессы. Индивиды, генерируя идеи, отвечают как раз на неотчетливо выраженные пожелания, то есть на разнообразные потребности людей. Но удовлетворение самых насущных из них, как правило, рождает новые, отражаемые в аналогичных импульсах и ведущие к той же работе мысли. Весь вопрос в том, каковы последующие поколения потребностей.

Когда-то в своих утопических мечтаниях о светлом будущем классики марксизма сформулировали знаменитый принцип жизни при коммунизме: "с каждого - по способностям, каждому - по потребностям". И если против первой части лозунга возражений нет, хотя и нет уверенности, что все пожелают в поте лица реализовывать свои способности, то вторая его часть откровенно утопична. Утопизм и даже бессмысленность ее, очевидная любому непредвзятому взгляду, состоит в том, что потребности большинства не имеют не только разумных, но и вообще никаких пределов (согласно "закону возвышения потребностей").

Правда, истовые сторонники светлого будущего в его марксистском понимании вполне могут возразить, что люди к тому времени, когда это будущее уже будет близко, принципиально изменятся. Здесь, как говорится, "блажен, кто верует, тепло ему на свете". Что же касается реальности современного бытия, то она упрямо противостоит мечтам о моральном усовершенствовании всего человечества. И едва ли кто возьмется всерьез с этим спорить. Но если так, то, возвращаясь вновь к термину "потребности", стоит подчеркнуть, что за пределами импульсов, тесно связанных с удовлетворением основных инстинктов и близких к ним страстей и навязчивых желаний, все остальное, имеющее отношение к ним, очень неопределенно. Можно было бы охарактеризовать ситуацию примерно так: чем больше и разнообразнее способы удовлетворения потребностей для каждого, тем лучше.

Сказанное не означает, что имеется в виду только нечто материальное. Это может быть потребность в общении, особенно в свободное время (трудно точно определить, материальна она или нет, ибо общение бывает разное и чаще всего сопровождается совместным потреблением чего-либо). Или несколько более редкие, но все же весьма ощутимые сегодня потребности в образовании и вообще в приобретении знаний, в приобщении к высокой культуре, наконец, в любой форме самовыражения (снова вспомним Герострата, хотя многие довольствовались бы и меньшим, например быть избранными куда-то, отмеченными кем-то или даже просто упомянутыми в газете). Словом, потребность как категория достаточно широка и неопределенна, но характернейшая ее черта - вполне ощутимая тенденция к тому, что она по мере развития общества все дальше уходит от инстинктов.

Конечно, это никак не означает, что не существует общественных или массовых само собой рождающихся потребностей. Но все они чаще всего являют собой арифметическую сумму тех же личных. Классический лозунг "отнять и поделить" - наиболее полное, пожалуй, отражение этого явления. Если выражаться более академическим стилем, массовые и не вполне осознанные потребности отражаются в восходящем к архетипам глубокой древности стремлении к справедливости, причем не столько судебной-правовой, сколько именно к уравнилельно-социальной. И эти архетипы тоже более индивидуально личностные, нежели коллективно осознанные. Если обратить внимание на социопсихологический аспект проблемы, то окажется, что потребности тесно связаны с такими не слишком уважаемыми в развитом обществе состояниями, как инфантильность, иждивенчество, патернализм и соответствующее им неосознанное стадное чувство. При этом странная, на первый взгляд, близость стадного чувства и иждивенческого патернализма к вроде бы противостоящему им индивидуально-личностному стремлению к обладанию чем-то, чаще всего не заработанным, не должна нас смущать. Напротив, это очень естественно и даже показательно.

К сожалению, тенденция эволюции потребностей очевидна и не слишком красит человека, да и все человечество. Потому необходимо отделять беспредельно эволюционирующие потребности, столь явственно проступающие в современном мире, от интересов, уяснение сущности которых неизмеримо более важно для понимания исторического процесса. Прежде всего важно учесть, что "интересы" как философская категория - прежде всего осознанные обществом в целом либо большими его группами некоторые из основных рассматривавшихся только что потребностей. Материальны ли интересы?

Ответ будет прежним: и да, и нет. Начну с того, что само понятие "интерес" обычно используется в обществоведении и особенно в политической публицистике применительно к гораздо более позднему времени и много более зрелому обществу, нежели при обращении к понятию "потребность". Это существенное различие, хотя и далеко не самое важное. Все дело в том, что потребности как категория относятся к миру всех живых существ. Что же касается интересов как аналогичной, но много более абстрактной категории, то они являют собой не просто осознанное стремление к удовлетворению прежде всего общественно значимых потребностей, а глубоко прочувствованное и жизненно необходимое поведение, находящее обычно свое достаточно четкое и внятное вербальное отражение.

Иными словами, об интересах говорят, их формулируют, отстаивают и, более того, за них принято бороться. Социопсихологический аспект данного понятия почти противоположен тому, который характерен для выражения определенных потребностей, хотя в отдельных случаях - например, в ходе голодных бунтов - оба они могут сближаться. Интерес выражается громким заявлением заслуженных, выстрадавших данной группой общества пожеланий, а то и законных с точки зрения сложившейся обстановки их решительных требований.

Речь именно о группе. Если внимательно посмотреть современный массив публикаций на тему об интересах, то окажется, что этим термином чаще всего именуется то, что имеет общественно важное значение. Это государственные или национальные интересы (никогда не потребности!), интересы больших и играющих заметную роль в совре-

менной жизни массовых движений. Это то, что является требованием разных социальных страт, целью сплоченных групп, например в спорте, хотя и не только, и т. п. Бывают интересы и более скромного масштаба, но и в этом случае чаще говорят о заинтересованности, скажем, какой-либо коммерческой фирмы в чем-то, нежели об интересе отдельного человека, например, посмотреть всю планету, совершая для этого рискованные путешествия (хотя случается и такое). Бывают встречи, клубы, знакомства по интересам. Интерес к кому-либо, чаще всего к человеку известному в политике, в деловом мире, в искусстве, спорте или еще в чем-либо столь же общественно значимом и престижном, тоже широко приветствуется и более того, старательно освещается в средствах массовой информации. Так все это выглядит сегодня. А как было раньше, начиная с далеких исторических времен?

В общем - примерно так же, разве что с учетом реалий иных веков. В центре внимания развитых обществ и государств всегда были люди выдающиеся, мудрецы и воины, богатые и знатные, имеющие власть и обладающие даром вести людей за собой. И именно они вызывали интерес (именно интерес, а не что-то вроде элементарной потребности) со стороны всех или многих из числа тех, кто находились на уровне обычного и ничем не примечательного человека. Иными словами, интерес как некая категория в истории человечества - прежде всего повышенное внимание кого-то к чему-то, причем внимание чаще не индивидуально-личностное (как в случае с потребностями), а широкомасштабное. Более того, в круг людей с определенными интересами включались, как правило, многие, порой очень многие, а сами эти круги бывали большими, а иногда и очень большими (целыми народами и государствами, например).

Что побуждает людей объединяться в широкомасштабные группы такого рода? Иными словами, что же такое интересы, что стоит за ними, на чем держится единение тех, у кого интересы сходны? Причины единения по интересам (ограничимся теперь лишь крупномасштабными группами) различны. Они могут иметь явно выраженный религиозно-традиционный, равно как и столь же значительный по своему масштабу экономический либо национально-освободительный характер. Они могут быть вызваны к жизни политическими мотивами, особенно в длительных войнах вроде Столетней, могут питаться конфессиональной нетерпимостью (джихад или крестовые походы), рождаться в результате массовых геополитических событий, таких как Великое переселение народов, или, наконец, возникать по экономическим мотивам.

Последний случай, пожалуй, в некотором смысле наиболее важен, и на нем стоит остановиться особо. Практически вся теория марксизма построена на постулировании основной роли во всех главных сферах жизни человечества и во все времена классов, классовых антагонизмов и классовой борьбы. Классовые интересы как раз и обязаны обеспечить пролетариату возможность одолеть буржуазию и создать основы коммунизма, после чего, если верить мечтам Маркса, и начнется настоящая история человечества. Обо всем этом далее, но пока мы вплотную подошли к самому важному в проблематике темы, к вопросу о связи интересов и идей. Как решается эта проблема?

Идеи и интересы. Что сначала?

В той же генеральной идее Маркса о классовой борьбе, смене формаций и грядущем коммунизме нет места для сомнений: материальный фактор, бытие, рождает соответствующие идеи. Они формулируются идеологами, то есть в данном случае создавшим марксизм Марксом, после чего берутся на вооружение пролетариатом, интересам которого в борьбе с эксплуатирующей его буржуазией они и призваны служить. Все четко: сперва интересы как осознанные массами потребности, потом идеи, затем снова обогащенные идеями интересы, после чего воплощение носителями интересов принятых ими на вооружение передовых, то есть марксистских, идей. На первый поверхностный взгляд это кажется очень похожим на теорию Вебера: интересы (и стоящие за ними потребности) толкают не слишком просвещенный пролетариат неведомо куда, а верно

установленные стрелки выводят локомотив истории на нужный путь. Так что, Вебер продолжатель Маркса, марксист?

Отнюдь нет. Никому никогда не приходило в голову даже подумать об этом. Но почему, коль скоро метафора Вебера о железнодорожных стрелках, казалось бы, так подходит к генеральной концепции марксизма? Все очень просто: Вебер рисует произвольную картину, с помощью которой пытается объяснить людям принцип. Он стремится образно показать, как именно действуют идеи, и не более того. Вебер имеет в виду интересы больших масс (огромный поезд), которые нуждаются в четких ориентирах (идеях-стрелках). Но разве он хоть как-то обмолвился о классах, марксистских формациях и тем более о пролетариате, буржуазии и коммунизме? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы понять, что к чему.

Главная мысль и Вебера, и Маркса в том, что идеи играют огромную роль в реализации интересов групп, в том числе больших массовых движений. Здесь они единомышленники. Вспомним знаменитую фразу Маркса о том, что идеи, овладевающие массами, становятся огромной материальной силой. А поскольку идея сама по себе ни при каких обстоятельствах материей стать не может, то эту фразу надо интерпретировать так: идея, оплодотворив массу людей, превращает именно их в гигантскую силу, придавая им огромную дополнительную энергию. На мой взгляд, лучше этого Маркс ничего не сказал. Ведь вся история наполнена убедительными примерами, доказывающими справедливость данного тезиса, взять хотя бы проповеди пророка Мухаммеда и победоносное шествие бедуинского войска ислама, последовавшее за ними. Все не раз бывало именно так. На протяжении последних веков, по меньшей мере с Великой французской революцией (она скорее всего и вдохновила Маркса на упомянутую фразу), люди не раз убеждались в правоте именно такой постановки вопроса. Проблема только в том (обратите внимание на это *только!*), что идеи, овладевая массами, приводили часто совсем не к тому, на что рассчитывали идеологи. Но главное совершенно верно: идеи были первичной силой, оплодотворившей давно уже недовольные массы с их непонятными властям интересами.

Однако при этом получается, что инертная масса с ее явно неудовлетворительным бытием ("процесс материальной жизни") и многими справедливыми потребностями, усвоив какую-то идею, которая таким образом как бы превращается в нечто определяющее, приоритетное, после этого не только осознает свои интересы, но и обретает материальную силу. Идея оплодотворяет слепую материю, придает ей гигантскую энергию, не так ли? Именно так. Более того, вся реальная и глубоко прочувствованная всем человечеством сила марксизма на протяжении века-полутора как раз в этом.

Марксу по сравнению со многими мыслителями повезло. Его идеи были не просто взяты на вооружение массами с определенными интересами. Они в XX столетии стали той огромной материальной силой, которая в царской России, в Китае и в ряде других более скромных стран перевернула жизнь вверх ногами в попытках добиться желанного царства справедливости и процветания. И что же в итоге? Увы, почти ничего! Разве что в России большевиками были безжалостно вырезаны многие социальные слои, начался страшный террор, то есть борьба с собственным населением в таком масштабе, какого мир до того еще не видывал. После этого СССР просуществовал еще несколько десятилетий, сумел с огромными стратегическими просчетами и ценой невероятного количества жизней выиграть Вторую мировую войну и за этот счет заметно увеличить сферу своего влияния. В стране был создан уникальный строй, суть которого сводилась к тому, что все силы и средства народа сконцентрировались на подготовке к новой войне, в результате чего империя выдохлась и оказалась не в силах более существовать.

В Китае маоисты попытались проделать нечто в этом же роде, но смерть Мао Цзедуня и приход к власти мудрого Дэн Сяопина положили конец страшному эксперименту. Вслед за тем большинство остальных стран, заметно затронутых марксистским стремлением преобразовать мир, тоже вернулись к нормальному образу жизни. Осталось два-три небольших государства, где жестокая тирания правителей привела народ не к коммунизму, а к страшной нищете и убогому прозябанию.

Так в чем же дело? Почему идеи марксизма, столь успешно в прошлом столетии овладевшие массами в немалом количестве стран, не смогли успешно привести их к коммунизму? Причин много, причем едва ли не первая из них сводится к тому, что восставшие массы в странах, подвергнутых их руководителями страшному эксперименту, не были пролетариями, на которых так рассчитывал Маркс. А там, где пролетариат был в достаточно значительном количестве, интересы его оказались далеки от теоретических расчетов основателя марксизма. Пролетарии в развитых буржуазных странах предпочли не идти на баррикады, а спокойно договариваться с буржуа, оказавшимися вполне к этому готовыми. Так как же теперь рассматривать проблему интересов и идей?

Опять же все очень просто. Есть интересы, причем массовые, разделяемые очень многими и потому, будучи оплодотворенными идеями, становящиеся грозной материальной силой. Очень важно, чтобы стрелками на основных путях оказались идеи, реально соответствующие именно этим интересам, а не популистские утопии, столь дорого обходящиеся тем, кто опрометчиво взял и их на вооружение. Но как в сложном сплетении различных социальных слоев с особыми и совсем не сходными интересами каждого из них не ошибиться и, образно выражаясь, установить стрелку на основных путях именно в том направлении, которое даст максимально положительный эффект? Сделать это нелегко. Но история сама расставляет необходимые акценты.

Касаясь идей марксизма, сыгравших, как правило, негативную роль в ходе массовых протестных движений XX в. во всем мире - и на Западе и на Востоке, - существенно заметить, что этим идеям до их распространения (да и позже, когда они уже вышли на передний план и очень многих заманили своей словесной притягательностью) противостояли иные. Имеются в виду великие идеи века Просвещения в странах Запада. Именно они с их призывами к свободе, социальному равенству и соблюдению прав человека оплодотворили до распространения марксизма большинство людей, движимых определенными интересами. И хотя взаимодействие между интересами и идеями не было идеально, те, кто овладели прогрессивной идеей (в США и во Франции это было абсолютное большинство), оказались победителями.

Важно заметить, что, хотя мы привыкли к существующим в западном мире разным идейным конструкциям (а в обществе всегда есть группы с различными интересами), так было не всегда. Такая удачная социополитическая обстановка, когда каждая группа лиц со своими интересами могла точно выбрать соответствующие этим интересам идеи, и на Западе создавалась нелегко. Как правило, такое оказывается возможным только в развитых либерально-демократических обществах, да и то уже много позже того, как в них начали полностью господствовать буржуазные рыночно-частнособственнические отношения, то есть в XIX в., а кое-где и позже. До того выбор в мире идей был не слишком велик, да и интересы в разных группах населения не очень четко осознавались.

Одно совершенно ясно: идеи играли ведущую роль. Интересы без идей оказывались чем-то, обреченным действовать вслепую. Этот вывод позволяет полностью согласиться с метафорой Вебера о роли идей в качестве стрелок на путях. Стрелки должны быть установлены правильно, что можно сделать лишь в том случае, если массы сумеют правильно понять, как с помощью единственно верной идеи уверенно реализовать интересы тех, кто стремится к движению вперед, к успешной эволюции. Мыслители различного масштаба, опираясь на разные концептуальные принципы, не раз в истории человечества стремились сформулировать идейные конструкции, претендующие на то, чтобы указать людям наилучший путь вперед. В XVIII в. это были великие мыслители века Просвещения. В XIX столетии одним из самых известных был Маркс. По установленным им стрелкам, как уже шла речь, пытались двигаться к реализации своих интересов многочисленные "составы". Но - увы! - в данном случае стрелки оказались поставленными неудачно и неточно.

В том, что касается идей и интересов многомиллионных масс, Маркс оказался прав лишь однажды, произнес великую фразу о роли идей, которые способны трансформироваться в гигантскую материальную силу. Вопрос, конечно, в том, каковы идеи и на

что будет употреблена сила. И этот вопрос для марксизма и для десятков миллионов его жертв навсегда остался трагичным. Но зато, произнеся эту фразу, Маркс сам решил поставленный им "основной вопрос философии".

Оставив в стороне этот "вопрос", искусственно созданный и не имеющий серьезного значения во всей истории мировой философии, можно снова взглянуть на вполне серьезную проблему взаимодействия идей, с одной стороны, и потребностей и интересов - другой. Я не случайно обращал внимание на то, что и потребности, и интересы отнюдь не адекватны марксистскому бытию или материальному началу, которое будто бы всегда первично по отношению к миру идей и институтов, к духовной культуре и к интеллектуальному богатству человечества. Акцент на этом был сознательно сделан, чтобы пояснить, почему автор склонен считать приоритетным как раз идейно-институциональное и духовно-интеллектуальное начало, которое определяет многие, если не все параметры материального бытия людей. Относясь к проблеме предельно объективно, можно, конечно, учесть, что и материальное начало играло свою роль - в виде, по меньшей мере, части потребностей, которые на заре истории робко рождали импульсы, воспринимаемые креативными личностями, способными генерировать необходимые обществу идеи.

Но здесь нужно полное понимание проблемы. Суть ее в том, что материя, материальные потребности в определенной ситуации могли определять круг тех проблем, которые в состоянии решить только умы мыслителей, порождающие полезные новаторские идеи. В основном же потребности и интересы сами по себе духовны, а не материальны. Идеи в любом случае первичны, формулируются ли они людьми в виде их нематериальных потребностей и интересов или влияют на их формирование. При этом трудно спорить с тем, что второй случай неизмеримо важнее первого. Обращу внимание на аргументацию.

Конечно, для голодных и замерзающих первобытных людей материальные потребности главное, а импульсы приводят к рождению идей и новаций, позволяющих их удовлетворить. Но чем более развитым становится общество, тем большую роль играют в нем идеи, которые на определенном этапе (имеется в виду становление цивилизаций с их религиозно-культурной первоосновой) начинают играть уже решающую роль. Именно идеи учат людей, во что верить, что ценить, как вести себя, чем питаться, во что одеваться, кому и когда молиться и вообще как жить. И от этого - заметьте, на тысячи лет раньше того времени, когда появились идеи века Просвещения и тем более марксизм, - стала зависеть вся жизнь огромной массы людей с их естественными материальными потребностями и интересами, которые стопроцентно являлись функцией строгих религиозных норм. Собственно, к этому и сводится окончательный ответ на вопрос о роли материального и идейного начал в истории и, как следствие, - в философии.